

О НОВИЗНЕ, ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ МИССИИ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

© 2012 В.В. Болгова
доктор юридических наук, профессор
Самарский государственный экономический университет
E:mail: bolgova@sseu.ru

Рассматриваются основные тенденции развития теории государства и права в современной России, анализируются общие проблемы развития предмета и методологии науки на современном этапе.

Ключевые слова: объект, предмет, метод, методология, государство, право, трансформация, функции, миссия.

Общим местом любых социальных исследований сегодня является констатация факта изменений экономической основы жизни российского общества в начале 1990-х гг., повлекших за собой трансформацию политической, правовой и даже духовной сфер жизни общества. С этим сложно не согласиться. Изменения действительно существенные. И затронули они все сферы жизни общества. Воспринимая, впитывая, ощущая их, юриспруденция 90-х в радужном задоре приветствовала наступление века частного права¹. Выступая на Всероссийской научной конференции “Российское государство и право на рубеже тысячелетия”, академик В.Н. Кудрявцев назвал сегодняшнее время “золотым веком юриспруденции” и высказался об использовании благоприятного периода для развития юридической науки².

На самом деле, для исследователя время более чем благоприятное. Поток информации, доступность ресурсов, в том числе зарубежных, отсутствие ограничений на выбор тематики, направленности научных разработок, разнообразие методологий не могут не привлекать современного юриста. Наконец, сама государственно-правовая действительность дает нам массу поводов для размышлений и обобщений, иногда заставляя пересматривать “вечные” истины. Казалось бы, возможно все. Любой выбор приветствуется и принимается.

Но так ли мы свободны и неограниченны в своих поисках? Действительно ли в области теории государства и права свобода слова, научного слова, абсолютна? На наш взгляд, весьма справедливо высказывание В.М. Сырых о том, что уповать на конституционное право свободы сло-

ва и мысли как единственное основание и надежный гарант плодотворного научного творчества могут лишь люди, мало что мыслящие в науке³.

Четкое понимание содержания предмета теории государства и права, верный выбор методологии, глубокие знания истории науки - вот общие границы, предопределяющие обоснованность выбора направлений исследований современного ученого. Особенно сложно подобные границы соблюдать в теории государства и права, широта предмета которой создает искушение злоупотребить свободой выбора.

Рассматривая результаты научных исследований, представленных в текущем году на страницах журнала “Вопросы экономики и права”, можно сказать, что, в целом, нашим авторам удалось, выбирая направления исследований, удержаться в рамках действительной свободы, не злоупотребляя ею.

Так, изучая общие закономерности развития государства, Д.С. Воробьев сосредоточивает свое внимание на предмете разграничения полномочий органов государственной власти и местного самоуправления, показывая динамику различных уровней публичности в современной России⁴. С.Е. Саменкову занимают вопросы целеполагания в теории правового и социального государства⁵. А.В. Горожанин развивает отдельные элементы теории государственного механизма, анализируя статус полиции как в статическом, так и в динамическом аспекте⁶.

Специалисты, избравшие для своих исследований проблемы развития права, также удержались в традиционных для отечественного правоведения рамках, рассматривая аспекты соотношения права и законодательства⁷, юридической

ответственности и наказания⁸, юридической техники⁹, правотворчества¹⁰.

Однако ситуация “традиционности” выбора предмета исследования не может и не настораживать. “Все лежащее на поверхности уже открыто по десятому разу, каждый шаг вперед становится возможным лишь при условии творческого освоения наличных знаний в области правоведения, философии и других наук и, самое главное, с учетом законов, по которым развивается и функционирует наука”¹¹.

Удалось ли такую сложную задачу - “шагнуть вперед” решить нашим авторам? Конечно, сам формат научной статьи не всегда позволяет “развернуться”, показать все, что наработано, но, тем не менее, предполагает все же как минимум постановку актуальной научной проблемы. Потребности современной науки вряд ли удовлетворяются последовательным и весьма тщательным описанием заслуг наших весьма уважаемых предшественников, завершаемым констатацией факта, что проблема сложная и нуждается в дальнейшей разработке. Так, например, Н.В. Паршкова, заявляя в качестве предмета рассмотрения, несомненно, актуальный вопрос влияния рецепции на процессы правообразования¹², ограничивается лишь следующим выводом: “Таким образом, построение целостной концепции правообразования требует дополнительных научных исследований. При ее разработке должны быть объединены как современные методологические, так и новые теоретические подходы к исследованию процесса “образования права” в юриспруденции”¹³. К сожалению, автор “забывает” о необходимости хотя бы обозначить свое представление о том, что именно стоит считать современными подходами к исследованию некоего процесса, и, видимо, всерьез отождествляет понятия “методологические подходы” и “теоретические подходы”.

Неудачную попытку “модернизировать” традиционные теоретические подходы предпринимает и А.В. Босов¹⁴. Автор говорит о “праве свободы совести и вероисповедания”, не уточняя, в каком значении - объективном или субъективном - соответствующее понятие употребляет. Не наступает ясность и при ближайшем ознакомлении с результатами его работы. Хотелось бы обратить внимание и на ошибку, которая характерна для молодых исследователей. Заявляя тему работы достаточно широко, автор по каким-то причинам су-

жает хронологические рамки исследования, обедняя тем самым полученный результат.

А вот работа А.Ф. Галузина¹⁵, на наш взгляд, - несомненный успех в части “расширения” горизонтов теоретических разработок. Концентрируя результаты серьезных исследований в формате научной статьи, автор заявляет о формировании понятийного ряда, связанного с реализацией концепции покаяния в праве: пенитенциарное право, пенитенциарная безопасность, пенитенциарные институты и т.д.

Безусловно, позиция автора, настаивающего на необходимости правового отражения субъективных процессов, проходящих в эмоциональной сфере правонарушителя, не может не вызывать споров. Хотя идея диалектического взаимодействия объективных юридических процессов и субъективной сферы правонарушителя нам очень близка¹⁶.

Прав В.М. Сырых, замечая, что действительная свобода юриста-теоретика, как и любого иного исследователя, представляет собой его несвободу, обязанность неукоснительно следовать только тем путем, который ведет к объективно-истинному знанию. А чтобы не сбиться с этого пути, уметь отличать зерна от плевел, нужен четкий план пути движения к новым знаниям и надежное средство передвижения¹⁷.

Отсутствие подобного “плана” приводит иногда исследователя к достаточно странным результатам. Так, П.А. Паулов, испытывая, по всей видимости, серьезные трудности с определением “отправной” точки для своих исследований, “сбивает” с пути и своих читателей. Автор сначала утверждает, что “специфика российского правосознания, правовой культуры и уровень их сегодняшнего развития не позволяют сейчас применять термин “законодательство” в узком смысле этого слова”¹⁸. И буквально в следующем абзаце утверждает, что та же современная специфика является условием и фоном для употребления термина “законодательство” в узком значении¹⁹.

Как представляется, подобные проблемы во многом связаны с тем, что современная теория государства и права утратила те черты, которые характеризовали традиционное рациональное научное знание. “Каждый автор по-своему видит и интерпретирует систему знаний, отражающих, опосредствующих предмет общей теории права. Расхождения охватывают не только частные,

периферийные вопросы теории, но и ее суть, ядро, связанное с определением сущности и социальной природы права как тотальной целостности, как одного из ведущих компонентов социальной реальности, человеческого общежития²⁰.

Однако отсутствие единства объясняется сегодня не недоработками ученых, а спецификой современного социального знания, предполагающего множественность методологических подходов, открытость “смыслов” и горизонтов значений²¹.

Не беремся подробно обсуждать в рамках настоящей статьи методологическую ситуацию в отечественном правоведении, отметим лишь, что необходимость поиска адекватного, надежного метода теоретических исследований остро ощущается современными учеными. Весьма симптоматичными и актуальными в этом ключе видятся попытки обратиться к различным аспектам методологии, предпринимаемые авторами журнала.

С.И. Вележев, например, рассматривает возможности и перспективы использования социологического нормативизма и деонтологической логики в процессе исследования государственно-правовых явлений²². Нельзя не заметить, что на этом сложном пути автора подстерегли трудности, характерные для всей теории государства и права на современном этапе. Начинает свою работу С.И. Вележев следующим образом: “Взяв за основу трехуровневую градацию методологии, следуя от общего к частному, можно, на наш взгляд, перейти непосредственно к методологии исследования нормативных и казуальных основ права. При этом на высшем методологическом уровне в качестве основных методологических подходов мы считаем необходимым выделить феноменологический подход, представленный социологическим нормативизмом, и синергетику²³. Судя по высказыванию, автор как минимум далек от симпатий к марксистскому правоведению, ведь материалистическая диалектика не предполагает использования феноменологической редукции. Но тогда откуда идея о трехуровневой градации методологии, которая является краеугольным камнем именно марксизма? Не меньшие вопросы вызывает и отнесение к всеобщим методам (а именно они составляют верхний уровень методологии в пирамидальном, трехэлементном измерении) синергетики, которая не является универсальной основой исследований,

представляя собой достаточно частное направление системного подхода²⁴.

Совсем сбивает нас с толку автор, настаивающий на необходимости развития идей социологического нормативизма, ссылаясь на основы исторического материализма в качестве аргумента для критики позиций своих научных оппонентов²⁵.

В ситуации, о которой идет речь, на наш взгляд, очень ярко проявляется тенденция, весьма характерная для современной теории государства и права. Мы бы назвали ее дезориентацией, в первую очередь методологической. Желание искать и реализовывать новое наталкивается и на “рельсы” научной традиции. Не призывая к отказу от традиций и не настаивая на их сохранении, все же хотелось бы обратить внимание на то, что не всегда попытки научного компромисса, примирения непримиримых теоретических конструкций удачны. Не удовлетворительны и предложения забыть о единстве научной истины, открыть бесконечные горизонты смыслов и забиться в общем плюрализме.

Именно в отсутствии общей теоретической и методологической доктрины, в отсутствии даже попыток к этому единству приблизиться коренятся основные проблемы современной теории государства и права. Отсутствие адекватной доктринальной и методологической базы, несформированность парадигмы вынуждают молодых исследователей выбирать в качестве “ниши” проблемы, хотя и вечные, но давно и достаточно детально исследованные, сосредоточиваться на узких, технических аспектах правового знания²⁶. Это, безусловно, тоже необходимо. И без таких исследований наши представления о правовых явлениях были бы неполными.

Но наука (а мы исходим из того, что теория государства и права - наука) - это важнейший социальный институт, способный прогнозировать общественные потребности и предлагать обществу научно обоснованные ориентиры развития. В этом и состоит ее главная социальная миссия. Если под таким углом зрения посмотреть на отечественную теоретическую науку, то можно сказать, что в своих поисках свободы социальную миссию теория государства и права, к сожалению, отодвинула на второй план.

В данной связи выражаем надежду на то, что наши авторы все же обратятся к разработке стратегических, прогнозных направлений теоретичес-

кой науки. Оптимистично выражаем надежду и на то, что “Вопросы экономики и права” станут площадкой для обсуждения методологических и доктринальных проблем современной теории государства и права.

¹ Алексеев С.С. Частное право. М., 1999.

² Государство и право. 2000. № 7. С. 5.

³ Сырых В.М. Логические основания общей теории права. М., 2001. С. 10.

⁴ Воробьев Д.С. Разграничение полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления по обеспечению безопасности в политической сфере общественных отношений // *Вопр. экономики и права*. 2012. № 1. С. 7-11.

⁵ Саменкова С.Е. К вопросу о цели социального и правового государства // *Вопр. экономики и права*. 2012. № 2. С. 13-16.

⁶ См.: Горожанин А.В. Реформирование полиции в начале XXв. как отражение государственной политики России // *Вопр. экономики и права*. 2012. № 2. С. 17-22; *Его же*. Исследование роли и места полиции в механизме обеспечения существования российской государственности // *Вопр. экономики и права*. 2012. № 3. С. 12-17.

⁷ См.: Паулов П.А. О соотношении системы законодательства и системы права // *Вопр. экономики и права*. 2012. № 3. С. 30-34; *Его же*. К вопросу понимания права и законодательства // *Вопр. экономики и права*. 2012. № 6. С. 7-12.

⁸ Марков В.П. Теория наказания в современной российской юриспруденции // *Вопр. экономики и права*. 2012. № 3. С. 18-23.

⁹ Агеева Г.Е. Развитие научных представлений об оценочных понятиях в праве // *Вопр. экономики и права*. 2012. № 6. С. 13-16.

¹⁰ Лапина М.А. Подзаконное нормотворчество исполнительной власти // *Вопр. экономики и права*. 2012. № 8. С. 10-26.

¹¹ Сырых В.М. Указ. соч. С. 10.

¹² Паршкова Н.В. Значение рецепции в процессе правообразования // *Вопр. экономики и права*. 2012. № 5. С. 159-161.

¹³ Там же. С. 161.

¹⁴ Босов А.В. Факторы, способствовавшие формированию права свободы совести и вероисповедания в России // *Вопр. экономики и права*. 2012. № 2. С. 43-50.

¹⁵ Галузин А.Ф. Правовой институт покаяния, пенитенциарный процесс и пенитенциарное право // *Вопр. экономики и права*. 2012. № 9. С. 38-48.

¹⁶ Там же. С. 39.

¹⁷ Сырых В.М. Указ. соч. С. 11-12.

¹⁸ Паулов П.А. О соотношении системы законодательства и системы права. С. 24.

¹⁹ Там же.

²⁰ Сырых В.М. Указ. соч. С. 15.

²¹ Татарова Г.Г. Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // *Социологические исследования*. 2006. № 9. С. 3-12.

²² Вележнев С.И. Социологический нормативизм и деонтологическая логика: теоретико-методологические аспекты использования в процессе исследования государственно-правовых явлений // *Вопр. экономики и права*. 2012. № 3. С. 7-11.

²³ Там же. С. 7.

²⁴ См. подробнее: Болдачев А.В. Новации. Суждения в русле эволюционной парадигмы. СПб., 2007.

²⁵ Вележнев С.И. Указ. соч. С. 9.

²⁶ См., например: Глащенко А.С. Понятие и классификация электронных документов // *Вопр. экономики и права*. 2012. № 9. С. 28-31.

Поступила в редакцию 06.09.2012 г.